

Досымбек ХАТРАН,
Галия ФАЙЗУЛЛИНА

Традиционная посуда казахов в контексте традиционного мировоззрения тюркских народов на выставке «Табактас» Центрального Государственного музея РК (концепция, интерпретация)

Автор қормеге қойылған қазақтың ыдыс-аяқтарын зерттей келе қолпелі халықтарда «дастархан», «табактас» деген ұғымның мағынасы тереңде жатқандығын, қонақ күтуді бәрінен жоғары қоятын қазақ халқының асқа, дастарханға байланысты киелі наным-сенімдерін көрсетуді мақсат еткен.

Araştırmacı, Kazak halkının sergiye konulan milli mutfak takımlarını inceleyerek göçebe halkların "dastarhan" (sofra), "tabaktas" (bir sofradan yemek) gibi kavramlarının çok eski kökenli olduğunu, misafirperverliğini ve konuğa olan sıcak saygının önemini sofra kültürü ve örf-âdetlere dayanarak göstermeyi hedeflemiştir.

Этнографические коллекции из фондов Центрального Государственного музея РК всегда вызывали и вызывают научный и общественный интерес. Одним из традиционных музейных способов их популяризации является выставочная деятельность. При этом, «многоаспектность и многоплановость культуры предполагает различные пути её исследования и интерпретации в музее. Одним из них является рассмотрение культуры как знаков, в качестве которых выступают материальные предметы, явления, события» [1. 4]. Для реконструкции смысла этнографических источников в музейном пространстве важно осознавать то, что предмет имеет культурологическое значение, если он имеет не только практический, но и семиотический статус, т.е. вещь становится фактом культуры, если она обладает знаковыми характеристиками. При создании выставки мы опирались на известные положения о семантической предметности и опыт их интерпретации, опубликованные в работах таких этнографов и музееведов как А.К. Байбурин, Е.Л. Галкина, Е.В. Антонова и др [2, 3, 4, 1, 5, 6].

В казахской традиционной культуре присутствует множество предметов, которые обладая обрядовой и др. символикой, являются знаковыми. Именно наличие этого признака легло в основу отбора предметов для выставки «Табактас» (традиционная посуда казахов из дерева и кожи из коллекций ЦГМ РК). Поиск параллелей в материалах по другим тюркским народам и их наличие позволило расширить «культурное пространство» выставки, осознать казахскую культуру в контексте общетюркской и актуализировать её в современности. Опираясь в основном на собственные исследования и на данные, опубликованные на страницах труда сибирских этнографов «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» [6], мы смогли выстроить сюжетную линию выставки, выделить её «главных героев». Основные положения концепции выставки строились на понимании

того, что «современное мироощущение и его рационализм выработали некую стереотипную уверенность, что знаковые функции вещи всегда вторичны и являются чем-то малозначимым. Между тем, в архаичных культурах знаковая прагматика являлась жизненно необходимым смыслом» [1. 4]. В традиционных культурах вещь не мыслилась вне человека. Она жила и умирала вместе с ним. Подобные представления прежде распространялись на всё рукотворное окружение кочевника (не случайно в доисламских погребениях символической порче подвергался весь сопроводительный инвентарь). В мире, где отождествлялись объект и субъект, творец и творение, часть и целое, вещь была неотделима от человека. Опредеичивание мира было одной из важнейших форм его освоения. Отношения человека с предметным миром были гармоничны, т.к. «мерой» всех вещей являлся сам человек. Мастер, автор, делающий вещь своими руками, вступал в особые тактильные отношения с миром. Он чувствовал мир через вещь, а потому, чаще всего, не мог её купить – он должен был её «родить». А это действие не знакомое с кризисом искренности, коммуникации.

«Вещный мир» традиционных культур интересен для наших современников как образец гармоничного отношения к предметному миру, как свидетельство существования «другого» мира, в котором предметы являются равноправными партнёрами в разговоре под названием «жизнь».

Утварь входит в «ближний круг взаимоотношений» человека и «вещного мира». Утварь - *Утварь* - «ууу, тварь». Выделение части слова «тварь», имеющую в русском языке самостоятельное значение, обозначающее живую «вещь», «животное», подтверждает отношение к предметам как живым существам, наделённым душой, жизнью (бытовой и ритуальной). «Семиотический статус утвари домашней обусловлен тем, что она в отличие от других элементов традиционного жилища относительно подвижна внутри него и может функционировать вне его» [5. 201].

«Одну из характерных черт традиционного мировоззрения составляет «всесакральность», «безбытность». Будничная жизнь входит в число высших ценностей человека традиционного общества через систему ритуала. Производство вещей, промыслы, любая созидательная деятельность санкционировалась не только реальными потребностями общества, но и ритуалом. Ритуализация распространялась и на сферу домашних ремесел» [6. 112-113]. В современных условиях урбанизации и глобализации произошли коренные изменения традиционного образа жизни казахского народа. Однако, основные черты национальной культуры сохранились, пройдя испытание временем [7. 145]. И многие элементы мировоззрения продолжают существовать, даже утратив характер мировоззренческих установок.

Так, например, в тюркских сказаниях «при воссоздании мифологической картины мира, изображается акт рождения Космоса из

Хаоса как процесс *размешивания*, взбалтывания стихий мешалкой или ковшом, что и является началом *развертывания* Вселенной, обретения ею пространственно-временных параметров. Мешалка-мутовка и её аналоги – ковш и ложка, с помощью которых организуются стихии в начале времен, принадлежат к чрезвычайно значимым сакральным объектам. Они отличаются повышенным семиотическим статусом в культурной традиции большинства тюрко-монгольских народов. Среди монголов, например, известна история о Чингис-хане – обладателе кумысной мутовки. От её наличия в стране зависело «богатство в скоте, обилие молока и, следовательно, довольство и здоровье народа», но преступный сын Чингисхана унес мутовку на запад, где положил начало новому народу. Монголы же с тех пор обеднели. Сходное предание, героем которого был Кыргыз-бай, существовало у иссык-кульских киргизов» [2.120-121].

«Анализируя подобные сюжеты, в которых фигурируют предметы – носители благоденствия, Г.Н. Потанин пришел к выводу, что мутовка имела то же значение, что и коновязь, знамя или мифическая гора, т.е. объекты, наделенные свойством обозначать центр Космоса. Не случайно Г.Н. Потанин, развивая идею тождества мутовки с мировой осью, считал возможным обратиться к материалам индийской мифологии, к сюжету о создании Вселенной в результате пахтанья первичного океана. Для этого вместо мутовки боги использовали мировую гору Мандала, которая загорелась от быстрого вращения» [6. 121]. У казахов, если во время прихода гостя кто-нибудь взбивал кумыс в сосуде (*саба*), то гость, вошедший в юрту, должен был взбить мутовкой (*ніспек*) несколько раз, и только потом пройти дальше в юрту, т.е. он как бы участвовал в процессе «творения мира». Такие же правила поведения во время изготовления молочной водки существуют у алтайцев, тувинцев, монголов. Подобные параллели позволяют предположительно соотнести повседневное приготовление кумыса (айрана) с высшими ценностями, причастными к сфере сакрального.

Можно в один ряд поставить «скотоводческую пару» – *саба*, *ніспек* и «земледельческую пару» – *келі* (*ступа*), *келсан* (*пест*) (на выставке они и были расположены в одном разделе), т.к. действия, производимые при использовании и той, и другой парой предметов соотносились с представлениями об увеличении плодovitости. *Келі*, *келсан* входили в приданное невесты. У казахов есть поговорка «Жаксы келін келі, жаман келін келсан» - «хорошая сноха - ступа, плохая - пест». И помимо прямого значения имела другой смысл – иносказательный, отражающий традиционные взгляды казахов на поведение снохи в семье.

Первое приготовление кумыса у тюрков совпадало с приходом весны. Пробуждение природы в общих чертах повторяло картину первотворения. Чтобы усилить созидательные возможности природы совершались обрядовые действия, в которых играли свою роль все те же предметы: ковш (*шөміш*, *ожау*, *саптыаяқ*), ложка (*қасық*), чаша (*шара*, *тегене*, *зерен*, *керсен* и т.д.).

Начало весны кочевники определяли по первому грому. Казахи при первом весеннем громе, обмакнув ковш (*шөміш*) в молоко, обходят вокруг юрты, ударяя этим ковшом по месту соединения *уыков* и *кереге*. Приветствовалось тщательное вспенивание (*сапыру*) кумыса, т.к. это действие, расцениваемое как обряд, имело магическое значение увеличения богатства, такое же, как и распространенный обряд *шашу*. Смысл этих действий людьми уже в прошлом веке не осознавался, но их «можно рассматривать как своеобразную реплику акта сотворения мира, акцентирующего космичность производительной силы. В них человек провозглашал свою сопричастность мирозданию, расширял границы освоенного пространства и тем самым обеспечивал символическими средствами стабильность своего существования» [6.122].

«Белые» молочные продукты у казахов символизировали чистоту, так купание женщины в молоке сорока белых кобылиц очищает её от грехов, купание богатыря в молочном озере позволяет ему быть живым после путешествия. Лежащая в основе этого мотива идея возрождения с помощью молока, обладающего живительной силой, перекликается с темой молочного братства или усыновления. В эпосе тюрко-монгольских народов распространен сюжет, согласно которому герой, отведавший молока матери своего противника, лишается права на вражду и месть. Так, в казахской сказке «Жиренше и хан» жена Жиренше сделала из своего молока кумыс, и хан, испив этого кумыса и, узнав из какого молока он изготовлен, признал невозможность своих притязаний на эту женщину («Теперь твоя жена мне мать!») [8. 50]. Вероятно, богатырь или хан, вкусивший материнского молока, воспринимается как существо вновь рожденное, причем рожденное в новом качестве. У казахов еду выпавшую изо рта грудного ребёнка может съесть только его мать, т.к. в противном случае также наступает вероятность «породнения» через материнское молоко, что может стать поводом возникновения инцеста. И в то же время он становится «должником» вынужденным отрабатывать «материнское молоко». Таким образом, материнское молоко, как, вероятно, и молоко вообще, служило знаком родства, символом рода.

Молочные продукты в среде скотоводов-кочевников воспринимались как коллективное достояние. У казахов, например, существовал запрет на передачу *ұйытқы* (кислое молоко – закваска). Она являлась общеродовой святыней (и благосостоянием) и не могла быть передана представителям другого рода (сейчас – в другую семью). Но если обстоятельства всё-таки заставляли попросить закваску, то вместо табуированного слова *ұйытқы* произносилось слово *айран*. «Айран сұрай келіп, шелегінді жасырма» («Спрашивая айран, не прячь ведра») - за этой пословицей стоит представление о том, что «белые напитки» предполагают только открытые отношения, возможные между родственниками и близкими. «Отношение к молоку и молочным продуктам как к культурным ценностям, как к символам

принадлежности к родовой группе сообщало их вместилищам особый статус» [6. 133]. На выставке были представлены изделия из кожи, предназначенные для производства, хранения, перевозки молочных продуктов – *көнек, саба, торсық, бұлқынишақ, мес, сүйретпе, дүңгіршек*.

Пища и застолье считались у казахов сакральными, люди, отведавшие с одного дастархана, становились отныне близкими, родственными (*табақтас* - сотрапезники) и в силу этого в последующем они не должны были ссориться и враждовать. Застолье - *дастарқан* - объединяет людей священными узами. С особой гордостью произносятся слова «дәмдес, дастарқандас болу» - «мы сидели за одним дастарханом», «мы ели с его рук», «он пригласил нас к своему дастархану». Дастархан способствовал сближению ранее незнакомых людей и примирению поссорившихся сторон. Осознавая исключительную важность еды, традиционное мировоззрение предполагало в этом акте некое оплодотворяющее действие. Чтобы облегчить и ускорить роды роженице у казахов существовал обряд *жарыс қазан* (букв. – *сореvнующийся казан*). С момента начала схваток начинали готовить в казане *қуырдақ* (самое быстро-приготовляемое блюдо) и произносили фразу «кара катын бұрын туа ма, кара казан бұрын туа ма» («кто родит быстрее – женщина или казан»). На этом выражении построен сюжет одной из сказок об Алдар-Косе (Алдар-Косе намекнул соседу на возврат казана несколько позже обещанного времени фразой: «А где второй казан, ведь мой казан обычно рождает»). Таким образом, универсальный обычай приобщения к плодовитости роженицы у казахов был опосредован приобщением к пище, сваренной в котле.

«Елу жылда ел жаңа, жүз жылда казан» («За пятьдесят лет народ обновляется, а за сто становится «казаном»). Здесь слово «казан» обозначает единство народа, его самостоятельность. То есть вторую часть пословицы можно перевести так – «за сто лет народ приобретает статус нового (самостоятельного, отделившегося) народа» по ассоциации с образованием новой семьи, имеющей свой казан, который через много лет становится «кара казан» (в значении священного домашнего очага) или по ассоциации с сакскими племенными жертвенными котлами (казанами). Поэтому в первой части выставки были представлены, в том числе, три сакских котла из археологической коллекции музея. «Незыблемость, неиссякаемость «благодати», наполняющей котел, была обязательным условием изобильного быта семьи. В ней, согласно мифопоэтическим представлениям, заключались счастье (*ырыс*), успех человека» [6.144]. Боясь лишиться его, казахи следили, чтобы чистая пустая посуда не оставалась неприкрытой, взятую взаймы посуду не возвращали пустой. Перевернутый котел выступал символом несчастья, хаоса, смерти.

«Существуют многочисленные запреты и поверья, регламентирующие передачу утвари во временное хранение, которые обусловлены представлением о том, что в ней отражаются достаток дома и счастье

его обитателей» [6. 201]. У казахов и уйгуров существует обряд кражи младшим сватом чашки у родственников невесты. Такой поступок не считается чем-то предасудительным, т.к. таким образом можно было получить частицу счастья и благополучия дома празднества [9].

Очевидно, для мифопоэтического сознания «живые вещи» («твари»), наделенные собственной волей и характером, были вполне реальными. И на выставке «*Табактас*», которая стала продолжением серии выставок отдела этнологии, раскрывающих вещный мир традиционный казахской бытовой культуры, были представлены предметы утвари (посуда) (основной материал изготовления - дерево, кожа и, отчасти, металл).

Целями выставки являлись

1. Обозначение значения традиционной материальной бытовой культуры - «утвари», как части «вещного мира», являющегося ярким выражением традиционного мировоззрения. Знакомство с «игрой смыслов» предметов традиционной казахской культуры - экспонатов выставки. Проникновение в «изначальный смысл «послания», в ту древнюю мифологическую картину мира, обломки которой сохраняются в самих этнографических предметах, орнаменте, контекстах их бытования и пр.» [1. 3].
2. Представление коллекции утвари музея. Демонстрация несомненной ценности подлинного музейного, традиционного предмета, как «личностного» представителя мастера. При этом нарушалась некая стереотипность, законченность восприятия бытовой вещи, обнаруживалось новое, неизвестное, иной уровень знания и понимания там, где все кажется «абсолютно ясным».
3. Создание ситуации вхождения, вживания посетителя в иную модель мира, в архаичное его восприятие. Актуализация процесса познания корней культуры казахского народа.

В экспозиционном решении выставки образ «дастархана» был ведущим. Посетители «попробовав» за музейным «дастарханом» (пространство выставки) очередное музейное «блюдо» (посмотрев выставку), стали «табактас» между собой и создателями выставки. Жанр выставки - «сказка», т.к. это один из видов фольклорного жанра, в котором наиболее древний пласт мотивов восходит к первобытной мифологии, и многие из них интерпретируются в свете ритуально-мифологической семантики [10.114]. В то же время это самый популярный и понятный жанр фольклора для наших современников. Была сочинена сказка (автор - Ая Алимбаева, внучка известного казахского писателя и поэта Музафара Алимбаева), основными героями которой стали предметы - экспонаты выставки. Каждый новый поворот сказочного сюжета связал воедино свой собственный комплекс экспонатов, а все вместе они создали живую ткань экспозиции выставки [4. 37]. Текст сказки был использован в качестве сопроводительного текста выставки. Через сказку раскрывалась мифопоэтичность будничного бытового мира. Научная (информационная) линия сюжета отразилась в

«Толковом словаре» выставки, в котором по каждому виду предметов были написаны подробные комментарии об их утилитарном и знаковом значении.

Экспозиция выставки, как и сказка, состояла из 5-и частей. Для придания кулуарности помещению, а экспозиции так называемого «личностного характера» (показ предметов через выделение индивидуальных качеств), помещение было разграничено визуально и функционально. Образ маленьких пространств – «кухонь» был создан за счёт экспозиционных конструкций из витрин, которые делили пространство, и то же время позволили оригинально и полно показать коллекцию чаш (*табақ, тегене* и т.п.) через выделение каждого предмета рамками индивидуальной ячейки-полки (*соре*). Образ «кухонь» («қазан-аяқ жақ») был дополнен использованием зеркал в витринах («буфетах») (идея - У.Мукашева).

Интерактивное решение выставки позволило решить задачу активизации творческого воображения посетителя, «непонятное», «незнакомое» для него, естественно вызывающее отторжение, сделать «близким», «пропущенным» через призму своего опыта и воображения. Так, специально был выделен раздел «Как ты думаешь - для чего использовались данные предметы?», где в витрине отдельно были представлены предметы необычные на взгляд человека современной культуры. В другой части выставки – фото данных предметов с описанием истинного назначения (таким образом посетитель мог проверить своё предположение и в то же время, в случае собственной ошибки, уйти с правильным ответом на вопрос).

Также решалась задача создания условий для творческого самовыражения посетителей. Была выделена интерактивная творческая зона, где посетители могли нарисовать экспонаты выставки, сочинить свою сказку про предметы (был объявлен конкурс сказок с последующим награждением авторов), проиллюстрировать её и т.п.

Таким образом, при исследовании этнографических предметов актуально их рассмотрение в качестве источников реконструкции традиционного мировоззрения. Опыт создания выставки «Табактас» (традиционная посуда казахов) подтвердил, что ссылка и опора на семиотический статус предметов казахской культуры в контексте традиционного мировоззрения тюркских народов позволяют расширить возможности экспозиционной интерпретации и презентации этнографических коллекций музеев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкина Е.Л. Этнографические источники в музее: проблемы интерпретации. – М.: РИК, 1998. – 164 с.
2. Антонова Е.В. Смысл археологической вещи и её контекст. // Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических,

- краеведческих и археологических музеев // Труды ГИМ. – М., 2000. – Вып. 113. – С. 15-18.
3. Байбурун А.К. Семиотический статус вещей и мифология. // Кунсткамера (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН): Избранные статьи. – СПб.: Европейский дом, 1995. – С. 80-96.
 4. Волокитина О. Жизнь, смерть, любовь. Женщина, мужчина, ребёнок. (Новые подходы к этнографической экспозиции в историческом музее). // Мир музея. – 1998. – № 6-7 (164-165). – С. 29, 37-41.
 5. Материальная культура. / Свод этнографических понятий и терминов. – Вып. 4. – М.: Наука, 1989 – С. 134-138 (пища), с.200-202 (утварь).
 6. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. – Новосибирск, 1988. – С. 107-199.
 7. Алимбай Н. Хатран Д. Казахское застолье - дастархан. // World discovery, 2005. – № 1 – С. 145-180.
 8. Казахские сказки. – Том 1. – Алма-Ата, 1958. – 461 с.
 9. Даутова С.С. Этнографические параллели в характеристике свадебных обрядов уйгуров и казахов Семиречья. //Труды ЦГМРК. – Вып 2. – Алматы. (В печати).
 10. Народные знания. Фольклор. Народное искусство. / Свод этнографических понятий и терминов. – Вып. 4. – М.: Наука, 1991 – С. 114-117 (сказка).

RESUME

Dosymbek Hatran

Galiya Faizullina (Almaty)

Traditional Kazakh Dishes in the Context of the Traditional World outlook of Turkic Peoples in “Tabaktas” Exhibition of the Central state Museum of RK.

The article deals with the research of the exhibited Kazakh dishes and the deep meaning of the words “dastarkhan”, “tabaktas” in the life of the nomads, their traditions and customs.